

КОМПАРАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ В РУССКОМ И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКАХ

TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF NAME COMPLEXES IN THE RUSSIAN AND KABARDINO-CHEKASSIAN LANGUAGES

*M. Ustova
K. Batchaeva*

Summary: In the Kabardino-Circassian language, the typology of phrases differs significantly from those in Russian. This difference is in fact that inflection by parts of speech in the Kabardino-Circassian language is not symmetrical; the inflectional inventory is distributed, quantitatively, completely disproportionately, into verbal and nominal, the latter is characterized by significant limitations compared with the verbal ones. In addition, the nominal inflectional inventory is known almost no differences in nominal groups, that is, it is common to all nominal parts of speech and, depending on the combining function and the insufficient grammatical abstraction of some case morphemes, the connection between words is carried out differently than in many known languages, in which inflectional paradigms depend on lexical categories. The synthesizing feature of the verb structure of the Kabardino-Circassian language to a certain extent compensates for the narrowness of the nominal inflectional paradigm. Therefore, the language is dominated by the principle of meaningful coordinated connection, which is carried out on the basis of personal and other indicators in the structure of the verb, with the help of which members of the sentence are easily recognized. A stable order, necessary in individual constructions, including the constructions of phrases, plays an important role in distribution. It should be noted here, however, that it is not always easy to distinguish a compound word from a phrase in addition to this basic rule, in the implementation of communication, connecting words in sentence according to the principle of their immediate components. Unique phenomena often occur due to the specific nature of language, that it is difficult to explain the basis of well – known linguistic criteria.

Keywords: typology, phenomena, communication, connection, inflectional paradigms, immediate components, indicator, sentence, separate lexemes.

Устова Мадина Александровна

кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова (г. Нальчик)
albion767@mail.ru

Батчаева Клара Хамидовна

кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова (г. Нальчик)

Аннотация: В кабардино-черкесском языке типология словосочетания значительно отличается от типологии русского языка. Это отличие заключается в том, что словоизменение по частям речи в кабардино-черкесском языке не является симметричным; словоизменительный инвентарь распределяется, количественно совершенно непропорционально, на глагольный и именной, последний характеризуется значительной ограниченностью по сравнению с глагольной. Кроме того, именной словоизменительный инвентарь почти не знает никакого различия по именным группам, то есть он является общим для всех именных частей речи, причем, в зависимости от совмещающей функции и недостаточной грамматической абстрагированности некоторых падежных морфем, связь между словами осуществляется не так, как во многих известных языках, в которых словоизменительные парадигмы зависят от лексических категорий. Синтезирующая особенность структуры глагола кабардино-черкесского языка в известной мере компенсирует узость именной словоизменительной парадигматики. Поэтому в языке господствует принцип содержательной координативной связи, осуществляющейся на основе личных и других показателей в структуре глагола, с помощью которых легко распознаются члены предложения. Кроме этого, основного правила, в осуществлении связи, соединении слов в предложении по принципу непосредственно составляющих, в дистрибуции большую роль играет стабильный порядок, необходимый в отдельных конструкциях, в том числе и в конструкциях словосочетания. Здесь же следует, однако, отметить, что не всегда легко отличить сложное слово от словосочетания. Из-за специфики языка часто встречаются уникальные явления, которые с трудом поддаются объяснению, основываясь на известных лингвистических критериях.

Ключевые слова: типология, явления, коммуникация, связь, флексивные парадигмы, непосредственные компоненты, показатель, предложение, отдельные лексемы.

В данной статье речь пойдет о некоторых двухкомпонентных именных комплексах, семантически и синтаксически соотносимых с атрибутивными словосочетаниями в индоевропейских языках. Двухкомпонентные именные комплексы, или словосочетания, как и отдельные лексемы, являются «материальной основой» предложений. Атрибутивная синтагма унэ дахэ «красивый дом» с точки зрения номинации и конструирующей функции предложения мало чем отличается от отдельного слова унэ «дом». В отношении содержания и синтаксиса обнаруживаются тождественные признаки

между соответствующими единицами в адыгских и в индоевропейских, в частности в русском, языках. Однако совершенно естественно, что данные конкретных языков, и, в частности, кабардино-черкесского, могут внести существенные коррективы в понимание природы словосочетания. Своеобразие грамматического строя адыгских языков накладывает свой отпечаток и на эту единицу.

Вопрос о том, какой член словосочетания является главенствующим (или стержневым), а какой зависимым,

в русском языке решается, главным образом, характером наличной связи, а классификация атрибутивных образований проводится на основе определяющего тип связи главенствующего слова. Конечно, такой подход может быть идеальным в том случае, когда происходит совпадение лексического значения, смысловой связи с грамматической связью, иначе говоря, когда ведущий элемент, доминирующий член синтагмы вычленяется по тому, что он обозначает, и по тому, как определяется это содержание словом или словами в той или иной форме. В кабардино-черкесском языке типология словосочетания значительно отличается от типологии русского языка. Это отличие заключается в том, что словоизменение по частям речи в кабардино-черкесском языке не является симметричным; словоизменительный инвентарь распределяется, количественно совершенно непропорционально, на глагольный и именной, последний характеризуется значительной ограниченностью по сравнению с глагольной. Кроме того (и это главное), именной словоизменительный инвентарь почти не знает никакого различия по именным группам, то есть он является общим для всех именных частей речи, причем, в зависимости от совмещающей функции и недостаточной грамматической абстрагированности некоторых падежных морфем, связь между словами осуществляется не так, как во многих известных языках, в которых словоизменительные парадигмы зависят от лексических категорий. Синтезирующая особенность структуры глагола кабардино-черкесского языка в известной мере компенсирует узость именной словоизменительной парадигматики. Поэтому в языке господствует принцип содержательной координативной связи, осуществляющейся на основе личных и других показателей в структуре глагола, с помощью которых легко распознаются члены предложения. Кроме этого, основного правила, в осуществлении связи, соединении слов в предложении по принципу непосредственно составляющих, в дистрибуции большую роль играет стабильный порядок, необходимый в отдельных конструкциях, в том числе и в конструкциях словосочетания. Здесь же следует, однако, отметить, что не всегда легко отличить сложное слово от словосочетания. Из-за специфики языка часто встречаются уникальные явления, которые с трудом поддаются объяснению, основываясь на известных лингвистических критериях. Ниже будут рассмотрены основные типы именных словосочетаний в кабардино-черкесском языке, их сходство и различие, номинативная и синтаксическая функции атрибутивных синтагм.

Одним из видов словосочетания является притяжательная, или изафетная, конструкция, то есть определительные словосочетания двух имен, соединенных формами притяжательной связи, для обозначения отношений принадлежности. Сочетания имен, соединенных формами притяжательной связи, отличаются от определительных словосочетаний, в которых отсутствуют

морфологические признаки соединения. Если первые имеют специальное оформление связи определения с определяемым именем, то у вторых единственным показателем связи указанных членов словосочетания является порядок слов (ср., например, словосочетания: *фызыжь босцей «старушечье платье»* и *фызыжым и босцей «платье старухи»*). В словосочетании *фызыжым и босцей* оба члена синтагмы имеют формы взаимной связи, а в словосочетании *фызыжь босцей* связь определяющего с определяемым морфологически не выражена, между двумя именами в атрибутивном комплексе нет никакой парадигматики, компоненты объединены одним ударением, комплекс нерасторжимо включает в предложение по законам отдельного слова, т.е. включаясь в именную, а иногда и в глагольную парадигму в виде целого блока, словосочетание получает общее оформление именное или глагольное, например: *унэ дахэ «красивый дом»* *хьыджэбз дахэ «красивая девушка»* в составе предложения предстанут следующим образом: *хьыджэбз дахэр унэ дахэм щэсщ «красивая девушка живет в красивом доме»* или *хьыджэбз дахэм и унэр унэ дахэщ «у красивой девушки - красивый дом»* и т.д. Фонетическая и грамматическая спаянность несколько не затрудняет лексической, смысловой сегментации, если атрибутивная единица не претерпела каких-либо семантических сдвигов и на этой почве не образовалось сращения с полным или частичным переосмыслением исходного первоначального значения компонентов как, например, в словосочетании *фызыжь 1эльэщ1 «платок старухи»*, которое, как и многие другие подверглось метафоризации, и вычленение составляющих конструкцию элементов осложняется семантикой. Атрибутивный комплекс *фызыжь 1эльэщ1* имеет значение не образуемых сложением смыслов компонентов словосочетания, здесь мы имеем дело с новым значением, которое отдаленно напоминает о первоначальном содержании; *фызыжь 1эльэщ1* означает «старомодный платок» или «платок, который не носит девочка, девушка или молодая женщина». Иначе говоря, свободное атрибутивное сочетание типа имя существительное имя существительное (или имя прилагательное) поддается семантическому расчленению, если не происходит фразеологизации или не образуется сложное слово с переосмыслением первичного значения. Например, первоначально сложные слова *лыжыкъуэ «дебильный сын»*, *фызэбэкъуэ «маловоспитанный парень»* буквально обозначали «сын старика» и «сын вдовы». Подобные единицы от исходных свободных словосочетаний отличаются не только содержанием, но и грамматическими особенностями, что очень важно, ибо грамматические показания «вещественно» свидетельствуют о семантических преобразованиях, они выступают надежным основанием. Речь идет о том, что свободные словосочетания типа *унэ дахэ «красивый дом»*, *мывэ унэ «каменный дом»* допускают некоторую перестройку, например, их можно переписать в виде *дахэу унэ*, *мывэу унэ*, в которых качественное определение занимает место в пре-

позиции и получает падежное оформление, вместо одного ударения для целого комплекса восстанавливается ударение для каждого члена, одновершинное сочетание становится двухвершинным. И еще. Свободные именные словосочетания, в отличие от сложных слов, могут преобразоваться в простые двусоставные предложения, в которых в качестве подлежащего выступают определяемые, а в качестве сказуемого определяющие члены, например, словосочетание *хъыджэбз дахэ* «красивая девушка» атрибутивное отношение может перестроить в предикативное, то есть в *хъыджэбыр дахэц* «девушка есть красива», *мывэ унэ* «каменный дом» - в *унэр мывэц* «дом (есть) каменный». Такое преобразование невозможно для словосочетаний с переносным значением типа *фызыжь босцей* «старушечье платье» или для сложного слова *тхэклүмэкыхь* «заяц», образованного от свободного атрибутивного словосочетания *тхэклүмэкыхь* «длинное ухо», допускающего предикативное построение *тхэклүмэр кыхьц* «ухо (есть) длинное».

Описанное грамматическое различие между единицами, обнаруживающими некоторое сходство в способах связи составляющих компонентов, представляет не только теоретический интерес, объясняющий, почему и как формируются новые языковые единицы, в какой-то мере помогающий решить проблему сложного слова и словосочетания, но и еще в большей мере практический, дающий возможность опереться на объективные данные при классификации лексического состава для целей лексикографии, при орфографировании соответствующих единиц и т.д. Например, давний и бесплодный спор о том, является ли единица *гъуц1уынэ* «гвоздь» сложным словом, состоящим из двух основ *гъуц1* «железо» и *1унэ* «шпилька», или свободным словосочетанием вроде *мывэ унэ* «каменный дом», можно закончить в пользу признания образования типа *гъуц1унэ* «гвоздь» сложным словом, а не словосочетанием из-за того, что данная единица выявляет значение, отличное от значения составляющих ее основ. Ведь *гъуц1ынэ* не воспринимается как «железная шпилька», а обозначает «гвоздь», то есть «стержень со шляпкой», а материал, из которого изготовлен, отодвигается порой на задний план. Поэтому возможно употребление данной единицы (комплекса) в качестве определяемого, где определяющим может быть слово со значением материала, из чего изготовлен *гъуц1уына* «гвоздь», например: *алюминъ гъуц1уына* «алюминиевый гвоздь», и, самое важное, подобные единицы лишены возможности, не разрушая смысловую монолитности, перестраиваться в конструкции, как это наблюдается у свободных словосочетаний.

Мывэ унэ «каменный дом», иначе атрибутивные словосочетания, являясь, по справедливому замечанию А.К. Шагинова, «генетическим источником сложных слов (композитов) [1] в предложении, как и сложные слова и связанные (фразеологизированные) словосочетания,

могут выполнять различные субъектно-объектные и предикатные функции. В этой роли между лексикализованными словосочетаниями и сложными словами, с одной стороны, и между свободными атрибутивными комплексами с другой, трудно провести разграничительную линию. Коренное, однако, расхождение между названными единицами обнаруживается при деривационных процессах. Свободные атрибутивные словосочетания, которые не могут быть преобразованы в изафетные конструкции, вступают в субъектно-предикатные связи, то есть двухкомпонентные образования типа *унэ дахэ* «красивый дом» или *мывэ унэ* «каменный дом» можно записать как простые двусоставные предложения, в которых субъектами представлены определяемые компоненты атрибутивных синтагм, а предикатами определяющие члены, например: словосочетание *унэ дахэ* «красивый дом» можно записать как простое предложение: *унэр дахэц* «дом красивый (есть)» или *мывэ унэ* «каменный дом» как *унэр мывэц* «дом каменный (есть)». Такую операцию над сложным словом или фразеологическим комплексом провести невозможно по известным экстралингвистическим причинам, хотя наблюдаются в языке и случаи позиционной дестабилизации компонентов, образующих фразеологическую конструкцию. Имеется в виду инвертирование членов синтагмы в стилистических целях, особенно в поэзии.

Позиционная дестабилизация не доводит компоненты до субъектно-предикатной поляризации, не разрушает синтаксической или лексикализованной единицы, не подвергает конструкцию переосмыслению, с точки зрения смысловой и грамматической функций, переводу из одной категории, в данном случае - слово, словосочетание, в другую - предложение, то есть из категории низлежащей в категорию высшего уровня.

Как уже отмечалось, изафетные образования не допускают установления предикативной связи между составляющими членами: предикатом может выступать весь комплекс по отношению к восполняемому, вводимому субъекту. Следовательно, словосочетание, которое не преобразуется, в изафетную конструкцию, при определенных семантических условиях может за счет своих компонентов, включившись в соответствующие парадигмы частей речи, образовать двусоставное предложение; изафетные же словосочетания такой возможностью не обладают. Если они вовлекаются в процесс семантических преобразований, то конструкции перестраиваются в обычные атрибутивные словосочетания, которые чаще становятся «источником сложных слов», например: *фызыжь босцей* «старомодное (букв.: старушечье) платье» образовалось от свободного определительно-притяжательного словосочетания *фызыжым и босцей* «платье старухи». Обычные атрибутивные словосочетания, образованные способом примыкания, типа *мывэ унэ* «каменный дом», *унэ дахэ* «красивый дом» отли-

чаются грамматически от подобных же словосочетаний, которые имеют синонимические параллели в виде изафетных конструкций. Дело в том, что последние, то есть дублирующиеся единицы, без Дополнительных средств, за счет своих компонентов, совершенно не разрывая семантической связи с исходным комплексом, не могут образовать простого двусоставного предложения. Это главное и решающее различие между тождественными единицами. Словосочетания, которые имеют в качестве синонимов изафетные построения, больше тяготеют к словообразованию, чем синонимически недублируемые атрибутивные комплексы. В этом плане в оппозиции находятся изафетные структуры типа *ноябрым* и *20 «двадцатое ноября»*, которые функционируют в языке без синонимических рядов и совершенно не вовлекаются в процесс лексикализации.

Таким образом, изафетные конструкции и не все атрибутивные словосочетания могут перестроиться в предложения, но это не означает, что они стали на путь лексикализации. Привязанность к своему синтаксическому статусу, то есть оставаться словосочетанием с определяемым и определяющим, обуславливается заданным содержанием компонентов и синтагмы в целом. Подобные исключения не снижают значимости грамматического критерия для разграничения синтаксических, лексических или лексикализованных образований, свободных и однотипных словосочетаний, то есть атрибутивных комплексов с относительными определениями, например: у двух одинаковых моделей *мывэ унэ* «каменный дом» и *псы пэзун* «ведро воды» разные деривационные возможности. Когда определяющий член обозначает материал, из которого состоит определяемый, то словосочетание можно перестроить в предложение; когда же определяющий указывает на меру, вес определяемого, то единица трансформируется в обстоятельственную конструкцию, например: *псыуэ пэзун*. Отличительной особенностью изафетной конструкции является притяжательная форма господствующего члена словосочетания (определяемого) с аффиксом принадлежности - **йы** и эргативный падеж зависимого члена словосочетания в кругу нарицательных имен существительных; собственные же имена существительные (имена, географические названия) употребляются без аффикса, показателя эргативности. Например: *1энэм илькэуэ* «ножка стола». Здесь определяющим членом выступает нарицательное имя существительное *1энэ* «стол» в эргативном падеже с показателем - **м**, а определяемым служит *илькэуэ* «ножка» имя существительное в притяжательной форме.

Как уже отмечалось, собственные имена существительные в качестве определения в словосочетаниях выступают без падежного маркера в силу того, что эргативный показательный совмещает реляционное значение с артиклевым. В случаях, когда в посессионных словосочетаниях атрибутивный член употребляется без

аффиксам, можно усмотреть преимущество артиклевого значения перед реляционным у эргативного показателя, почему он и становится как бы избыточным, то есть определенность собственного имени (лексическая определенность) допускает редукцию грамматического манифестанта, например: *Бет1ал* и *лыгъэ* «мужество Бетала», *Налшыч* и *уэрам* «улица Нальчика» и т.п. Определительные словосочетания двух имен существительных, образованные притяжательными формами связи, по содержанию в большей мере совпадают с определительными словосочетаниями существительных, связанных между собой посредством примыкания. Так, определительные словосочетания типа *л1ы къару* «сила мужская», *ц1ыху напэ* «лицо человеческое», *жэм лъакъуэ* «коровы нога» и т.п. свободно могут употребляться в качестве синонимов к определяемым словосочетаниям типа *л1ым* и *къару* «сила мужчины», *ц1ыхуым* и *напэ* «лицо человека», *жэмым* и *лъакъуэ* «нога коровы» и т.п.

Как это совершенно справедливо отмечено П.Н. Перевощиковым в отношении удмуртского языка, примеры словосочетаний первого типа и примеры словосочетаний второго типа «выражают в основном одинаковые отношения принадлежности, но все же не адекватные. Между этими формами определительных словосочетаний имен различие по содержанию довольно тонкое» [2]. Это целиком и полностью относится и к кабардино-черкесскому языку. Например, словосочетание типа *л1ыжь баш* «стариковская палка», то есть палка с какими-то особенностями, отличается по значению от словосочетания *л1ыжым* и *баш* «палка старика», то есть палка, принадлежащая старику, палка, обладателем которой является старик. Как видно из определений, здесь имеет место некоторое сходство, не доходящее до тождества, адекватности. Первая дефиниция касается качества принадлежащего предмета, вторая же совершенно не затрагивает качественных сторон, в ней речь идет о принадлежности кого (чего) - либо кому (чему)-нибудь. Одной из разновидностей изафетного словосочетания является конструкция, в которой атрибутивный комплекс состоит из определяемого имени в индифинитной форме и определяющего имени числительного от двух до десяти и сто в притяжательной форме. Примеры: *унит1*, *унищ*, *унипл1... унищэ* «два дома, три дома, четыре дома... сто домов».

Главная отличительная особенность подобной синтагмы состоит в том, что здесь определяемое и определяющее располагаются в инверсированном порядке в сравнении с моделью, где определяемое и определяющее выражены именами существительными и прилагательными (ср.: *малым ифэ* «шкура барана» и *мэлищэ* «сто баранов»). В первом примере определением является первый член, то есть *мэл* «баран» выступает как зависящий, обусловленный компонент синтагмы, во втором же примере, наоборот, первый член является определяе-

мым, главным, господствующим элементом словосочетания. Изафетные словосочетания, в которых определяющими членами служат количественные числительные от двух до десяти и сто, видимо, представляют собой более архаичную конструкцию с не оформленным определяемым словом в эргативном падеже. Что оно на самом деле было в эргативной форме, угадывается путем сравнения с обычными изафетными образованиями. Наличествующие в кабардино-черкесском языке типы атрибутивных комплексов с количественно-определяемыми словами, как *мазэмит1* «второе месяца» (то есть второе число месяца), *мазэм и тлощ1рэ тлурэ* «двадцать второе месяца» обнаруживают только внешнее сходство с моделью: индифинитная форма + посессив - *мэлит1* «два барана». Дело в том, что модель с индифинитной формой представляет собой словосочетание с исчисляемым именем, например: *мэзит1, мэзищ* «два месяца, три месяца» и т.д., то есть указывает на количество единиц того, что обозначается именем существительным, иначе говоря, числительные выступают как определяющие, зависимые составляющие, они функционально соотносимы с прилагательными детерминантами в атрибутивных словосочетаниях. Ср.: *унэ дахэ* «красивый дом» и *унит1* «два дом (а)». В первом и втором примерах первый член является господствующим, определяемым, а второй зависимым, определяющим.

В современном кабардино-черкесском языке построение типа *шит1* «две лошади» не воспринимается как притяжательная конструкция, более того, некоторые авторы усматривают в сегменте и не грамматическое, а фонетическое явление, второй же элемент расценивается как определяемое. «В специальной литературе и в этих случаях (то есть, когда числительные количественные занимают постпозитивное положение) числительные принято рассматривать как определения, - пишет А.К. Шагиров. - Получается как бы противоречие между смыслом и местом числительных в словосочетании. Дело, по-видимому, в том, - продолжает автор, что числительные выступают здесь, скорее, в роли определяемого слова» [3]. Здесь место или позиция не имеют, наверное, решающего значения, иначе трудно объяснить, почему количественное числительное *зы* «один» в именном словосочетании играет роль определения, а *т1у* «два», *щы* «три» и т.д. служат определяемыми из-за своего местоположения. Непосредственно-составленные количественные числительные и имена существительные образуют словосочетания, в которых числительные выполняют функцию определяющего, ср.: словосочетание «два студента» в русском языке, где «два» выступает как определение, или в адыгейском языке *нэбгырит1у* «два человека», в котором *т1уы* «два» служит также постпозитивным определением [4]. Привязывать конституирующее значение числительным в подобных словосочетаниях значило бы исходить не из смысла, содержания единицы, а только из дистрибутивных признаков. «Однако числи-

тельные в таком употреблении, писал А.И. Смирницкий, нельзя назвать определением в собственном смысле этого слова, ибо при сочетании числительного с существительным образуется соединение особого рода...» в котором числительное выполняет функцию уточнителя, или детерминатива.

Относительно – и- Н.Ф. Яковлев справедливо писал, что «...этот форматив (имеется в виду сегмент) представляет собой притяжательный префикс 3-го лица ед. ч. «и» (произносится: **йы**) «его», фонетически превращающийся в середине слова после согласного в «и» долгое: «шит1 <«шы+йы+т1» и т.д. Кроме того, параллельно можно сказать и *шыуэ т1у* буквально: «в качестве лошадей (лошадьми) две» [6]. Последнее замечание Н.Ф. Яковлева, что словосочетание *шит1* «две лошади» можно представить и как *шыуэ т1у* «две лошади», имеет принципиальное значение для разграничения двух моделей, тождественных в структурной организации, например, моделей *шит1* «две лошади» и *мазэмит1* «второе число месяца». В первом и во втором случае формально имеется изафетная конструкция, то есть атрибутивные комплексы связаны аффиксом принадлежности «и», однако трансформационные возможности у них разные; если первая модель может перестроиться в иную синтагму, не нарушая смысла, то вторая конструкция лишена вообще возможности преобразования. Расхождение между этими моделями заключается, главным образом, в содержании; в первом примере определяемым, семантически главенствующим является начальный элемент синтагмы, выраженный именем существительным (*шы* «лошадь»), определяющим же предстает второй элемент числительное (**т1 <т1у**), выполняющее функцию определительного числительного в постпозиции; во втором же примере, наоборот, в постпозиции расположен определяемый член, выраженный именем числительным, а в препозиции представлено определяющее имя существительное, иначе говоря, первая модель строится по типу атрибутивного словосочетания, где имя существительное определяется качественным прилагательным, например, *унэ дахэ* «красивый дом», а вторая по типу атрибутивного комплекса, в котором имя существительное определяется именем существительным, то есть так называемым относительным прилагательным, например, *мывэ унэ* «каменный дом». Последняя модель по своему строению ничем не отличается от посессионных конструкций, в которых оба члена выражены именами существительными: ср., например: *л1ыжым и баш* «палка старика» и *мазэм и тощ1* «двадцатое месяца». В смысле распределения между ними никакого расхождения не отмечается: имена в эргативе, стоящие на первом месте, определяют слова в притяжательной форме, однако при перестройке изафетной конструкции в обычную атрибутивную синтагму коренным образом изменяется у них смысловая связь с исходными построениями, например, *л1ыжым и баш* «палка старика», перестроившись

в атрибутивное словосочетание, например, *лыжь баш* «стариковская палка» удерживает смысловую связь с посессионной моделью, чего не наблюдается у образований, одним из членов которых является числительное, например, *мазэм и тлоц1* «двадцатое месяца», а *мазэ тлоц1* «двадцать месяцев»

На этом основании изафетные атрибутивные словосочетания в кабардино-черкесском языке можно распределить по трем группам, или по трем моделям. Изафетные конструкции, состоящие из существительного в качестве определяющего и существительного определяемого, как известно, образуются сочетанием определяемого в посессионной форме и управляемого им имени в эргативном падеже типа *еджаклуэм и тхыль* «книга ученика». В таком виде подобные словосочетания функционируют в языке в номинативной роли. В предложении же они, подчиняясь законам соединения слов и синтагм, модифицируются, например, синтагма типа *еджаклуэм и тхыль* «книга ученика», выступая в качестве субъекта, не видоизменяется, если не учитывать добавления показателя падежа к конечному члену. То же самое происходит, когда словосочетание употребляется в роли прямого или косвенного дополнения, например: *еджаклуэм и тхыльыр ст1олым тельц* «книга ученика лежит на столе» (субъект); *егъэджаклуэм еджаклуэм и тхыльыр кылихащ* «учитель взял книгу ученика» (прямой объект) и *егъэджаклуэр еджаклуэм и тхыльым еплъащ* «учитель посмотрел книгу ученика» (косвенный объект). Во всех этих функциях данный тип атрибутивного комплекса ничем не отличается от других атрибутивных образований. Расхождения между ними, притом коренные, наблюдаются, когда изафетная конструкция типа имя существительное + имя существительное в притяжательной форме используется в предложении с несколькими предикативными центрами, в котором изафетное словосочетание подвергается расчленению, а члены синтагмы используются в разных конструкциях в соответствующих функциях.

Нерасчлененные комплексы употребляются только в роли субъекта и объекта при номинативной и эргативной конструкциях, например:

1. субъект номинативной конструкции *еджаклуэм и тхыльыр стол1ым тельц* «книга ученика лежит на столе»;
2. субъект эргативной конструкции *сишыпхъум и къуэм школыр къиухащ* «сын моей сестры окончил школу»;
3. прямой (ближайший) объект *егъэджаклуэм еджаклуэм и тхыльыр кыщтащ* «учитель взял книгу ученика»;
4. косвенный объект *егъэджаклуэр еджаклуэм и тхыльым еплъащ* «учитель посмотрел книгу ученика».

В отличие от неизафетных атрибутивных построений, посессионные синтагмы описываемого типа свободно

дели мы на составляющие элементы, каждый из которых может совмещать иные функции, порой противоположные тем, которые они выполняют в изолированном употреблении. Кроме того, каждый член словосочетания может формально видоизменяться в зависимости от той роли, которую он играет в данной ситуации, например, в предложении: *щ1алэр и гъуэмылэм цысхыркъым* «парень не жалеет своей (дорожной) пищи» слово *щ1алэр* «парень», с одной стороны, является определительным компонентом притяжательно-атрибутивного словосочетания *щ1алэм и гъуэмылэ* «провизия парня», а с другой субъектом (подлежащим) предложения. Точно так же в предложении: *щ1алэм и гъуэмылэр ишхыжащ* «парень съел свою провизию» слово *щ1алэм* «парень» одновременно служит подлежащим в эргативной конструкции и определительным элементом в словосочетании. Другой случай: *щ1алэм кыщэхуа ствол1ым и лъакъуэр щ1эщык1ащ* «у купленного парнем стола отломались ножки». Здесь *столым* относится к инфинитной конструкции, в которой оно выполняет функцию прямого объекта, а слово *лъакъуэр* выступает подлежащим в финитной номинативной конструкции, и одновременно *столым и лъакъуэр* образуют притяжательно-атрибутивный комплекс в составе распространенного предложения. Во всех примерах притяжательно-атрибутивные синтагмы выступали в непосредственной связи, то есть компоненты располагались в контакте, однако это вовсе не обязательно, например: *щ1алэм кыщэхуа столыр къатшэри илъакъуэхэр пхъащ1эм щигъэувэжащ* «мы привезли купленный парнем стол, а ножки поставил столяр». Как видно из примера, изафетная конструкция свободно расчленяется, мало того, «притяжательно-атрибутивное словосочетание (изафетная конструкция), где налицо морфологически выраженная связь между компонентам допускает инверсию», например: *кыратыжащ итхыльыр щ1алэм* «вернули документы парню», *итхыльыр кыратыжащ илъэс дагъэк1ри щ1алэм* «вернули через год документы парню» и т.д. Конечно, инвертированное употребление комплекса несет стилистическую нагрузку, требует определенной речевой ситуации, однако оно возможно, что лишний раз свидетельствует о грамматической и лексической автономности составляющих членов анализируемой лексико-грамматической единицы.

Итак, в кабардино-черкесском языке атрибутивные словосочетания делятся на две группы. В первую включаются определительные словосочетания типа *унэ дахэ* «красивый дом», то есть: а) с определяемым существительным на первом месте и определяющим прилагательным в постпозиции и б) с определяющим существительным в препозиции и определяемым существительным. Вторую группу составляют словосочетания определительно-притяжательной конструкции, где в препозиции представлено определяющее существительное в эргативном падеже, а в постпозиции определяемое суще-

ствительное или числительное в притяжательной форме типа *еджаклуэм* и *тхыль* «книга ученика» или *ноябрым* и *тлощ1* «двадцатое ноября».

Как уже отмечалось, первая группа функционально и материально (с точки зрения фонетической реализации) ближе стоит к сложному слову, или к слову. Порой трудно провести между подобными словосочетаниями и сложными словами границу как по оформлению, синтаксису, так и по содержанию. Словосочетания типа атрибутивного комплекса без внутренней грамматики служат питательной почвой для образования новых слов, конструкция синтагмы не оказывает сопротивления лексическим преобразованиям, особенно поддаются семантизации построения, в которых в качестве определяющего выступают существительные, хотя семантизация касается и атрибутивного комплекса с определяющим именем прилагательным в постпозиции, например: *тхьэклумэ кыхь* 1. длинное ухо; 2. заяц, кролик.

«Сложные слова этого типа созданы не путем сложения, пишет М.А. Кумахов, а возникли на базе готовых двухкомпонентных синтаксических единиц. Иначе говоря, с помощью сложения образованы атрибутивные комплексы, а соотносительные сложные слова образованы семантическим способом словообразования, то есть путем метафорического переосмысления определительного значения и превращения его в наименование определенного понятия. Факт этот нельзя отождествлять с явлениями обычной субстантивации, поскольку мы имеем дело не с переходом знаменательных частей

речи в разряд существительных, а с образованием слова на базе готовой синтаксической единицы, созданной путем сложения» [8]. Примеры образования по конверсии сложных слов от именных комплексов типа имя существительное имя существительное: *к1эртлоф уздыгъэ* «стеариновая свеча» (букв.: картофель-лампа, или картофельная лампа), *уцицэ пылэ* «национальная войлочная шляпа» (букв.: войлочная шапка) и др. Этой деривационной возможностью обычные именные атрибутивные образования резко противопоставляются изафетным построениям, которые составляют вторую группу словосочетаний и характеризуются набором морфологических и синтаксических признаков, описанных выше.

Изафетные конструкции могут переосмысляться, как и чистые атрибутивные комплексы, однако грамматическая и фонетическая независимость компонентов (наличие двух вершин ударения, фонетическая самостоятельность, цельность компонентов, некоторая позиционная лабильность составляющих членов и т.д.), наличие внутренней парадигматики у словосочетания оказывают сопротивление слиянию непосредственно-составляющих и образованию цельной непроницаемой одновершинной единицы, которую можно классифицировать как отдельное слово. Поэтому изафетные словосочетания в кабардино-черкесском языке, в отличие от словосочетаний типа имя существительное + имя существительное (или прилагательное), более «грамматичны» и наделены несравненно большими синтаксическими функциями, чем «чистые» атрибутивные комплексы.

ЛИТЕРАТУРА

- Шагиров А.К. Синтаксические наблюдения над адыгскими атрибутивными комплексами с качественным определением. - Вопросы синтаксического строя иберийско – кавказских языков. - Нальчик, 1977. с.53-55
- Перевощиков П.Н. Притяжательные формы связи имен в определительных словосочетаниях удмуртского языка. - В сб. Вопросы составления описательных грамматик. – М., 1984
- Дауров Х.Б. Субстантивные словосочетания в адыгском языке. - Ученые записки АНИИ, т.ХІХ. Языкознание. Майкоп, 1978
- Рогав Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. - Майкоп, 1996
- Супрун А.Е. Имя числительное и его изучение в школе. – М., 1966.
- Курилович Е.А. Очерки по лингвистике. – М., 1983
- Смирницкий А.И. Морфология английского языка. - М., 1960
- Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино – черкесского языка. – М., 1978
- Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. – М., 1975.

© Устова Мадина Александровна (albion767@mail.ru), Батчаева Клара Хамидовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»